

ТРИЗРАЧНИЙ ЗАМОК

Чарльз Диккенс
Артур Конан Дойл
Едит Несбит
Оскар Уайльд и др.

РАСПАХНИ ВРАТА НЕВЕДОМОГО

ПРИВРАЧНЫЙ ЗАМОК

Чарльз Диккенс
Артур Конан Дойл
Эдит Несбит
Оскар Уайльд и др.

Сборник

УДК 821
П75

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского, французского и румынского

Дизайнер обложки *Алина Белякова*

ISBN 978-617-12-7895-0 (PDF)
ISBN 978-617-12-7633-8

- © Григорий Панченко, составление, 2020
- © Depositphotos.com / davidschraeder / jarenwicklund / kolazig / Whitewolf / mumemories / Pixel-snap, обложка, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ПРИЗРАКИ И ДЕМОНЫ

Чарльз Диккенс

Диккенс — автор, который не нуждается в представлении. Вспомним только то, что он, помимо множества иных литературных заслуг, утвердил каноническую форму жанра привиденческого рассказа и его особого поджанра — рождественского рассказа. Впрочем, зачастую привиденческий и рождественский рассказы существуют не по отдельности, а вместе, как в «Истории о том, как гоблины похитили могильщика», написанной Диккенсом в 1836 году. По мнению литературоведов, этот рассказ повлиял на написание в 1843 году известной «Рождественской песни», в которой впервые появится дядюшка Скрудж — тогда еще отнюдь не персонаж мультфильма-сериала «Утиные истории». Образ Гэбриэла Грабба, главного героя «Истории о том, как гоблины похитили могильщика», по-видимому, основан на голландской городской легенде о Габриэле де Граафе, злом и жадном могильщике из маленького городка Бронкхорст, которого на Рождество будто бы постигла такая же судьба, как диккенсовского персонажа. Ученые предполагают, что эту легенду Диккенсу мог поведать лично Ханс Кристиан Андерсен.

История о том, как гоблины похитили могильщика

В одном старинном городе, где-то в наших краях, давным-давно, так давно, что историю эту следует считать правдивой, поскольку наши прапрадеды верили в нее безоговорочно, служил при церкви сторожем и могильщиком некий Гэбриэл Грабб¹.

Ежели человек работает могильщиком и постоянно окружен символами человеческой смертности, это вовсе не означает, что он обязательно будет угрюмым меланхоликом. Те, кто нас хоронят, — самые большие весельчаки на свете. Я когда-то имел честь дружить с одним молчальником², который в частной жизни, вне службы, был донельзя смешным и веселым коротышкой и мог прогорланить разудалую песню, ни разу не сбившись, ничуть не хуже, чем опустошить залпом доверху налитый стакан чего-то крепкого. Однако, вопреки этим примерам, которые доказывают противоположное, Гэбриэл Грабб был унылым, одиноким существом со злобным,

¹ На английском языке героя рассказа зовут Gabriel Grub. Слово «grub» в английском языке имеет несколько значений — «червяк» и «невежа, грубиян». Мы переводим эту фамилию как Грабб, чтобы избежать совпадения с русскими словами «граб» или «груб». (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² «Молчальник» или «немой плакальщик» — непрменный участник погребального ритуала на богатых похоронах Викторианской эпохи. Эти участники траурного шествия мастерски умели поддерживать скорбный вид, производя впечатление «онемевших от горя». Специально подчеркнутое умение такого могильщика лихо опрокидывать стаканчики спиртного связано с тем, что по обычаю на проводах покойника «немых плакальщиков» старались напоить как можно крепче, а для них показателем профессионализма было выпить все предложенное, сумев при этом не нарушить горестного выражения лица и не сбиться с ноги во время погребальной процессии.

упрямым и грубым характером. Он ни с кем не водил дружбы, кроме как с самим собой, да еще и со старой плетеной бутылкой, которая хранилась в широком и глубоко кармане его куртки. Встречая на улице веселые лица, он окидывал их столь злобным и неприязненным взглядом, что прохожие не могли не утратить свою веселость и шли дальше уже угнетенные печалью.

Однажды, ранним вечером накануне Рождества, Гэбриэл вскинул на плечо лопату, зажег фонарь и отправился на кладбище, так как ему следовало до завтрашнего утра закончить копать одну могилу. Поскольку он пребывал в весьма дурном настроении, то надеялся, побыстрее взявшись за работу, слегка приободриться. Шагая к кладбищу вверх по улице, густо уставленной старинными домами, он видел сквозь оконные переплеты веселую игру пламени в каминах, слышал громкий смех и жизнерадостные восклицания людей, собравшихся рядом. Гэбриэл замечал хлопотливые приготовления к завтрашнему празднеству и улавливал разнообразные соблазнительные запахи, которые вырывались облачками пара из кухонных окон. Все это было для Гэбриэла Габба противнее желчи и горче полыни. Хуже того, из домов то и дело вылетали стайки детишек и мчались через дорогу к домам, находящимся напротив. Прежде чем они успевали постучать в двери, им навстречу выбегали другие кудрявые сорванцы, по полдюжины за раз, и всей гурьбой они заходили в тот или иной дом, чтобы провести праздничный вечер за рождественскими играми. Видя это, Гэбриэл хмуро усмехался и стискивал покрепче черенок лопаты, напоминая себе о кори, скарлатине, чирьях, коклюше и многих других источниках своего утешения.

В таком счастливом расположении духа Гэбриэл двигался дальше, отвечая кратким и мрачным ворчанием

на добродушные приветствия соседей, проходивших мимо, пока не свернул на малоосвещенную улочку, которая вела к кладбищу. Гэбриэл так спешил достичь этой улочки, потому что она была, по его мнению, замечательным местом. Эта унылая и погруженная в сумрак улица привлекала горожан разве что при ясном свете дня и под лучами солнца. Поэтому могильщик ужасно возмутился, заслышав в этом святилище, сохранившем название Гробового переуллка со времен, когда здесь сновали еще монахи с выбритыми макушками, обитавшие в аббатстве, легкомысленную песенку о веселом Рождестве, которую распевал чей-то громкий голос. Приблизившись к источнику звука, Гэбриэл обнаружил, что этот голос принадлежит мальчишке, который, по-видимому, спешил присоединиться к одной из уличных компаний, а по пути то ли развлечения ради, то ли готовясь к предстоящему празднику орал песню во всю глотку. Гэбриэл подождал, пока малыш подойдет поближе, а потом схватил его, толкнул в угол и пять или шесть раз стукнул по голове фонарем, дабы научить его петь тише. Мальчик вырвался и убежал, держась руками за голову и издавая уже совсем другие звуки, а Гэбриэл Грабб, радостно хихикая, вошел за ограду кладбища и запер за собою калитку. Затем он сбросил куртку, поставил на землю фонарь и, спустившись в недокопанную могилу, трудился час или полтора в свое удовольствие. Однако грунт, скованный морозом, плохо поддавался лопате, и отбрасывать его было трудно. К тому же хотя месяц и присутствовал на небе, но был слишком юн, чтобы как следует осветить яму, на которую падала тень от церкви.

В другое время подобные препятствия привели бы Гэбриэла Грабба в уныние и он почувствовал бы себя

очень несчастным. Однако удовольствие от того, что у него получилось заставить мальчика замолчать, согревало душу могильщика. Его не беспокоило то, что работа продвигалась слишком медленно. Закончив копать поздно ночью, он осмотрел могилу с угрюмым удовлетворением и стал собирать свои вещи, бормоча вот такие стишки:

Славный дом на одного, одного,
Как достигнешь ты конца своего,
Камень под голову, камень в ногах —
Славное место, чтоб спрятать твой прах!
Пять футов землицы холодной как лед,
Обед для червей — ты им слаще, чем мед!
Травка поверх, и глина кругом —
Славно поспишь ты на месте святом!

— Ха-ха! — засмеялся Гэбриэл Грабб, присел на плоскую могильную плиту, которая была его любимым местом отдыха, и вытащил из кармана свою бутылку. — Гроб на Рождество! Настоящий рождественский подарок! Хо-хо-хо!

— Хо-хо-хо! — повторил чей-то голос поблизости.

— Это эхо! — сказал Гэбриэл Грабб, снова поднося бутылку к губам.

— Никак НЕТ! — откликнулся низкий голос.

Гэбриэл, слегка встревоженный, замер с бутылкой в поднятой руке и огляделся. На кладбище, озаренном бледным светом луны, было тихо, как на дне самой древней могилы. Холодная изморозь поблескивала на надгробиях и искрилась, словно россыпь самоцветов, на каменной резьбе старой церкви. Снег, плотный и хрусткий, расстилался поверх могильных холмиков такой чистой и гладкой пеленой, что казалось, будто покойники лежат прямо под ней, укрытые лишь своими саванами.

И малейший шорох не нарушал торжественного покоя этой картины. Казалось, что все звуки замерзли, так тихо и холодно было вокруг.

Гэбриэл вскочил и тут же застыл как вкопанный от ужаса и изумления, поскольку ему в глаза бросилась фигура, при виде которой кровь похолодела в жилах. Неподалеку от него, на торчащей из земли плите, сидело странное, никогда не виданное им ранее творение. Гэбриэл сразу догадался, что оно не от мира сего. Невероятно длинные ноги существа, вздумай он выпрямиться, протянулись бы по земле, но он подобрал их и скрестил причудливым образом. Жилистые руки чудовища были обнажены, широкие ладони лежали на коленях. Короткое, круглое тельце создания облегало одеяние, украшенное небольшими прорезями. Спину прикрывал короткий плащ. Воротник, вырезанный причудливыми фестонами, заменял гоблину модную в те времена фрезу¹ или шейный платок. На существе были башмаки с длинными загнутыми носками. Широкополая шляпа удивительного существа по форме и размеру напоминала сахарную голову², украшенную единственным пером. На шляпе лежал слой инея. Гоблин выглядел так, будто просидел на этом надгробии, удобно устроившись, лет двести или триста. Он не шевелился, только язык насмешливо высунул. Существо смотрело на Гэбриэла Грабба, ухмыляясь так, как умеют только гоблины.

— Это было НЕ эхо, — сказал гоблин.

¹ Фреза — круглый воротник из гофрированной и туго накрахмаленной белой ткани; характерная деталь одежды XVI столетия.

² Сахарная голова — коническая форма, в которой отливали и сушили сахар по старинной технологии. «Головы» высотой до 20 и более сантиметров поступали в продажу, завернутые в особую синюю бумагу, а затем раскалывались по мере потребности и продавались на вес кусками.

Гэбриэл Грабб, утратив дар речи, не смог ничего ответить.

— Что ты делаешь тут в канун Рождества? — строго спросил гоблин.

— Я пришел копать могилу, сэр, — промямлил Гэбриэл Грабб.

— Кто же это шастает по кладбищу среди могил в такую ночь? — вскричал гоблин.

— Гэбриэл Грабб! Гэбриэл Грабб! — дико взвыл целый хор голосов, будто грянувший со всех сторон кладбища. Гэбриэл в испуге огляделся снова, но ничего не увидел.

— Что там у тебя в бутылке? — спросил гоблин.

— Голландская водка, сэр, — ответил могильщик, весь дрожа от страха, потому что водку покупал у контрабандистов. Он подумал, уж не принадлежит ли данный гоблин к акцизному ведомству.

— Кто же это хлещет голландскую водку в одиночку на кладбище в такую ночь? — вновь вскричал гоблин.

— Гэбриэл Грабб! Гэбриэл Грабб! — ответствовали дикие голоса.

Гоблин окинул уstraшенного могильщика злорадным взглядом и еще громче возопил:

— И кто же в таком случае является нашей честной и законной добычей?

На этот вопрос невидимые голоса отозвались с такой силой, словно огромный хор грянул под могучий гул органа в старинной церкви. Звуки налетели на могильщика с силою ураганного ветра и тотчас угасли вдали, это было повторение уже слышанного:

— Гэбриэл Грабб! Гэбриэл Грабб!

Гоблин усмехнулся еще шире прежнего и продолжил:

— Ну, Гэбриэл, что скажешь на это?

Могильщик, задыхавшись, ловил ртом воздух и молчал.

— Что скажешь на это, Гэбриэл? — допытывался гоблин, вскинув ноги над могильной плитой и разглядывая загнутые носки своей обуви с таким самодовольством, как если бы то были наимоднейшие веллингтоновские сапоги¹, какие только можно найти на Бонд-стрит².

— Это... это все... очень интересно, сэр, — ответил могильщик, полумертвый от страха, — очень интересно и замечательно, но мне бы лучше вернуться и закончить работу, сэр, с вашего позволения...

— Работу! — фыркнул гоблин. — Какую работу?

— Смею напомнить, сэр, могилку... могилы копать моя работа, — запинаясь, пробормотал могильщик.

— Ах да, могилку, вот оно что! — закивал головой гоблин. — Кто же это у нас роет могилы в то время, когда все остальные предаются веселью, да еще и наслаждается этим?

И снова таинственные голоса ответили:

— Гэбриэл Грабб! Гэбриэл Грабб!

— Боюсь, что моим друзьям хотелось бы увидеть тебя, Гэбриэл, — сказал гоблин, высунув язык на всю длину — изумительно длинный язык, надо сказать. — Да-да, боюсь, мои друзья хотят тебя видеть, Гэбриэл.

— Будьте милостивы, сэр, — в ужасе взмолился потрясенный могильщик, — зачем же им это хотеть, ежели мы даже не знакомы? Сэр, да ведь эти джентльмены и не видали меня никогда, сэр!

¹ Имеются в виду высокие узкие сапоги, введенные в моду в 1-й четверти XIX века знаменитым военачальником, герцогом Веллингтоном. Вскоре они стали основным видом обуви британской знати и зажиточной буржуазии. В наше время «веллингтонами» называют высокие резиновые сапоги.

² Бонд-стрит (*Bond Street*) — улица элитных магазинов, излюбленное место прогулок модников и модниц. Название Бонд-стрит стало нарицательным обозначением последних веяний моды. «Да вы словно с Бонд-стрит!» — звучало как высший комплимент.

— О нет, очень даже видали, — ответил гоблин. — Мы знаем человека с хмурым лицом и угрюмой миной, который нынче вечером шел по улице, злобно поглядывая на детей и сжимая покрепче свое орудие для рытья могил. Мы знаем человека, который сам не способен веселиться и которого из-за этого обуревают злобная зависть, который избил ребенка, потому что тот был весел. Мы знаем его, мы хорошо его знаем.

Сказав это, гоблин громко и хрипло расхохотался, и эхо подхватило этот смех, многократно усилив его. Тут гоблин вдруг перевернулся вверх ногами и встал на голову, точнее на кончик своей сахарной шляпы, удерживаясь чрезвычайно ловко на узком торце могильного камня. Еще мгновение — и он, перекувыркнувшись, слетел прямо под ноги могильщику, где и уселся, скрестив ноги, подобно портному на рабочем помосте¹.

— Из-з-вините, сэр, н-но я д-должен покинуть вас, — проговорил могильщик, пытаясь сдвинуться с места.

— Покинуть нас! — передразнил его гоблин. — Гэбриэл Грабб собирается покинуть нас! Ха! Ха-ха!

Пока гоблин смеялся, могильщик заметил короткую вспышку света в окнах церкви, как будто там вдруг зажгли все свечи. Свет тут же погас, но заиграл орган, и под бодрящую мелодию целая толпа гоблинов, как две капли воды похожих на первого, хлынули на кладбище и принялись играть в чехарду на надгробиях, не тратя и минуты на передышку. Они перескакивали один за другим через самые высокие препятствия с поразительной ловкостью. Первый гоблин оказался особо искусным прыгуном — никто из соплеменников сравниться

¹ До изобретения швейной машинки портные работали, сидя по-турецки на широком низком столе, приставленном вплотную к окну для лучшего освещения.